

Б.Г. СОКОЛОВ

*Доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет*

УДК 140.8

АРХИТЕКТУРА «ПОСТПАМЯТИ»¹

Современность вносит свои коррективы не только в общую конфигурацию культурного пространства и в сферу технологии и производства. Трансформации происходят в практиках повседневности и традирования. Эти изменения транслируются в режимы и формы нашего сознания, что с необходимостью затрагивает и трансформирует модели памятования и временения. В представленной статье анализируются как прежние модели времени и памяти, так и те тенденции, которые формируют то, что можно маркировать как «пост-память» современного постчеловека, человека-киборга. Существующие режимы культурной и социальной памяти и удержания прошлого (память) можно условно разделить на два режима. Первый режим – это доминирование в структурах сознания зон Прошлого, своеобразная нацеленность на сохранение и удержание, на фиксацию ценности именно Прошлого и памятования. Этот режим является наиболее распространенным, он, можно сказать, является наиболее архаичным и базовым. Второй режим можно маркировать как проективное памятование, когда горизонт Прошлого не редуцируется вообще (а скорее даже нарочито сохраняется), но выстраивается в предпочтениях зоны Будущего. Подобный режим памятования связан с превалированием в горизонте сознания двух зон: зоны Будущего, проективности, а также зоны индивидуальности, которая в ситуации значимости проективности на это самое Будущее, усиливает проективность. Подобный режим памяти и выстраивания времени – это режим новоевропейской культурной традиции. Для современный режима постпамяти характерно девальвация зоны прошлого, ибо удержание Прошлого уже как на уровне повседневности, так и в профессиональных сегментах нашей жизни, не ориентировано на длительность сохранения

Ключевые слова: постпамять, память, сознание, современность, постчеловек

B.G. SOKOLOV

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного РФФИ N 20-011-00616 «Самосознание истории философии в междисциплинарном контексте практик памяти»

*Doctor of Science (Philosophy), Professor
Saint Petersburg State University*

ARCHITECTURE OF POST-MEMORY

Modernity makes its own adjustments not only in the general configuration of the cultural space and in the sphere of technology and production. Transformations occur in the practices of everyday life and tradition. These changes are translated into modes and forms of our consciousness, which necessarily affects and transforms models of mindfulness and timing. The presented article analyzes both the previous models of time and memory, as well as those trends that form what can be labeled as the "post-memory" of a modern post-human, cyborg man. The existing modes of cultural and social memory and retention of the past (memory) can be divided into two modes. The first mode is the dominance of the zones of the Past in the structures of consciousness, a kind of focus on preservation and retention, on fixing the value of the Past and remembrance. This mode is the most common, it can be said to be the most archaic and basic. The second mode can be labeled as a projective remembrance, when the horizon of the Past is not reduced at all (but rather even deliberately preserved), but is built up in the preferences of the zone of the Future. Such a mode of mindfulness is associated with the prevalence of two zones in the horizon of consciousness: the zone of the Future, projectivity, as well as the zone of individuality, which, in a situation of the importance of projectivity for this very Future, enhances projectivity. Such a mode of memory and time alignment is the mode of the New European cultural tradition. For the modern regime of post-memory, the devaluation of the zone of the past is characteristic, because the retention of the Past is already both at the level of everyday life and in professional segments of our life, is not focused on the duration of preservation.

Keywords: Post-memory, Memory, Consciousness, Modernity, Posthuman.

Введение

Как говорят сейчас (а если речь пойдет о современности, то подобное вполне оправдано)-

Как-то так (и извините за подробную цитату-ссылку):

«Государственный Эрмитаж объявляет о старте продаж NFT токенов на маркетплейсе Binance NFT
2021-08-31

Традиционное искусство все ближе и ближе к технологиям. Музеи, мировые галереи и крупнейшие аукционные дома присоединились к движению NFT. И сегодня мы рады объявить о начале продаж NFT, созданных Государственным Эрмитажем. Государственный Эрмитаж - один из величайших художественных музеев мира. Музей обладает коллекцией, насчитывающей около трех миллионов произведений искусства и памятников мировой культуры. В ее составе – живопись, гра-

фика, скульптура и предметы прикладного искусства, археологические находки и нумизматический материал.

В рамках проекта “Ваш токен хранится в Эрмитаже” музей выпустил в свет лимитированную серию NFT с цифровыми копиями мировых шедевров из своей коллекции. Серия представленных работ включает в себя цифровые воспроизведения следующих художественных произведений: “Мадонна Литта” Леонардо да Винчи, “Юдифь” Джорджоне, “Куст сирени” Винсента Ван Гога, “Композиция VI” Василия Кандинского, “Уголок сада в Монжероне” Клода Моне.

Все токенизированные цифровые произведения созданы в двух экземплярах: один из них будет храниться в Эрмитаже, второй – представлен на маркетплейсе Binance NFT. Все цифровые копии лично подписаны генеральным директором Государственного Эрмитажа Михаилом Пиотровским, который заверил подлинность каждой работы из лимитированной серии путем нанесения даты и точного времени их подписания, тем самым придав им абсолютную уникальность, увековеченную в блокчейне. Само место подписания – залы Эрмитажа – также закреплено в метаданных.

Стартовая стоимость каждой цифровой работы составляет \$10000 BUSD. Все вырученные от продажи средства переходят в Государственный Эрмитаж. Победители аукциона также получают видео в формате NFT с моментом подписания купленной ими копии директором музея Михаилом Пиотровским.

“Эрмитаж – консервативный инноватор – консервативный музей, который использует новейшие технологии. К ним относится и наш проект «Ваш токен хранится в Эрмитаже», и вся наша работа с NFT. Мы расширяем цифровые возможности знакомства с коллекцией Эрмитажа, с его залами и зданиями. Это пути, которые подчеркивают, с одной стороны, демократичность музея, с другой – доступность роскоши его посещения”, - сказал директор Государственного Эрмитажа Михаил Пиотровский. «Но мы не собираемся решать с помощью токенов финансовые вопросы, у нас нет рыночных ожиданий, связанных с их выпуском. Мы хотим посмотреть, как эта форма будет восприниматься. NFT – это философия, это эстетика обладания. Цифровые копии произведений искусства наполняют Интернет, где по сути все имеют к ним доступ, но NFT – это чувство собственности, а в нашем случае – чувство причастности к Великому музею”.

“Мы становимся свидетелями исторического момента - один из крупнейших мировых музеев выходит на рынок NFT. Маркетплейс Binance NFT стал связующей нитью мира искусства и технологий, и для нас этого огромная честь”, - сказала глава Binance NFT Хелен Хай.

Аукцион открывается 31 августа в 15:00 по московскому времени и продлится до 7 сентября 15:00 (мск). В аукционе смогут принять участие любые пользователи Binance. NFT-маркетплейс Binance будет использовать ту же систему аккаунтов, что и Binance.com. Новым пользователям маркетплейса будет необходимо зарегистрироваться на Binance.com» [1].

Вполне респектабельный и в чем-то оправданно архаичный (конечно, изо всех сил старающийся быть «в ногу с дигитальным временем») культурный институт, а именно музей Эрмитаж, включается в процесс не столько современной торговли – хотя это и выступает в данном сообщении

на первый план – сколько в процесс ультрасовременной технологии новой идентификации. Это что-то новенькое для подобного рода института. В других сегментах современного информационного общества это выглядит, конечно, вполне оправданным: подобные процедуры с так называемыми дигитальными виртуальными творениями современных арт-деятели и их виртуальными и бесконечно тиражируемыми в среде Интернета объектами давно уже никого не шокируют и не удивляют. Или – пример из другой «оперы» - присоединение банковско-финансовой сферы к так называемым блокчейн технологиям. Да бог с ней, с ультрасовременностью, подобный жест в принципе вполне оправдан в отношении тех произведений, которые на волне тотального распространения Интернета, созданы с использованием современных технологий. Например, то, что сейчас маркируют как «Science Art», но конечно не только «Science Art», ибо эпоха тиражирования запустила новые идентификационные процессы гораздо раньше повсеместного владычества Интернета. Но вот то, что музей, Эрмитаж, обладающий «железобетонным» историческим, подкрепленным томами изысканий искусствоведов и историков, алиби своих вполне материально-осязаемых полотен, скульптур, гобеленов, монет (да разве перечислишь все богатство собрания Эрмитажа хотя бы по общим титулам!) «тоже туда»!

Что, наконец, происходит с нашим культурным пространством, если такие титаны традирования, отвечающие за сохранение культурного наследия согласно своим профессиональным обязанностями, во весь дух спешат удостоверить свое присутствие в дигитальном пространстве? Конечно, указанный резон – финансы, деньги – немаловажный фактор. Но Эрмитаж! Ясно, что на заработанные на подобных инициативах в целом «побочной деятельности», «груд золота» или – будем тогда уж более современными – записями в блокчейнах различного рода виртуальных валют, много не заработаешь: институты культуры и в двадцатом, и нынешнем веке существуют по преимуществу на дотации, без разницы, финансирование представляет собой строку в государственном бюджете и отчисления различного рода благотворителей.

Дело, скорее всего, в других императивах, которые заставляют идти в ногу со временем и манифестировать свое присутствие в новой виртуальной реальности. Значимый слоган «Кого нет в Интернете, того нет вообще» оказывает повсеместное давление и, соответственно, на руководство музейными инстанциями. Если нет сайта, приложения и т.п. которые репрезентируют тот или иной институт в дигитальном мире, то он выпадает из мейнстрима и, соответственно, оказывается в маргинальной зоне, которая видна лишь избранным, а никак не массовому потребителю, на кото-

рый ориентируется современный институт музея. Кроме того, нынешний пользователь услуг музея предпочитает многое реализовать именно в зоне Интернета (поиск локации, покупка билета, поиск информации о событиях, выставках и т.п.). Не учитывать это в своей работе современный музей не может. Отчеты и связь с вышестоящими инстанциями, связь с банком, спонсорами, публикация исследований, каталоги, конференции специалистов и сотни подобных резонансов заставляют довольно консервативную и нацеленную на традиционирование культурную инстанцию классического музея оперативно реагировать и развивать активность в зоне Интернета.

Все это так. Мейнстрим эпохи оказывает прессинг, трансформирует и перекодирует как наше сознание, собирающее новые смысловые констелляции и режимы своего экзистирования, так и \ социальные и культурные инстанции, каковыми в нашем случае выступил классический до недавнего времени музей. Но есть еще одно обстоятельство, которое и станет предметом нашего анализа в данной статье. Действующие новации и перекодировки возможны лишь тогда, когда они реализуются в синергии с изменениями в базовых сферах, в которых мы можем зафиксировать существенные трансформации. Именно эти трансформации и оказывают онтическую поддержку процессам, которые на первый взгляд вызваны лишь сиюминутными выгодами или случайны стечением обстоятельств. Именно таков случай, как нам представляется, «архаической», консервативной инстанции, каковой являлся со времен своего оформления (музей-оны, реликварии и кабинеты редкостей, номинируемые некоторыми исследователями на протомузеи, конечно, не в счет) в институт примерно в восемнадцатом веке в Европе. Музей как хранилище памяти (о других функциях сейчас мы не ведем речь), перекодируется в современный безвременной сайт, обладающий всеми атрибутами клипово-кластерного мира, т.е. мира кратковременной памяти, в том числе по той причине, что сами режимы и архитектура памятования оказывается ныне совершенно иной. Иными словами, изменения в режимах и структурах, которые воспроизводят память, поддерживают все те сиюминутные и прагматические резоны, руководствуясь которыми музей перекодируется в музей-сайт.

Итак, что же происходит с режимами и архитектурой памятования, изменения, которые мы можем сейчас диагностировать не только в отношении музея, но и всей окружающей нас реальности?

1. Два классических режима социальной и культурной памяти

Мы могли бы выделить два доминирующих режима функционирования памятования в структуре сознания, которые исторически можно довольно просто локализовать. Конечно, это не означает, что если доминиру-

ет один режим, то второй начисто отсутствует. Речь идет о ситуации доминирования, о культурной и социальной преференции. Первый режим – это доминирование в структурах сознания зон Прошлого, своеобразная нацеленность на сохранение и удержание, на фиксации ценности именно Прошлого и памятования. Этот режим является наиболее распространенным, он, можно сказать, является более архаичным и базовым. За многотысячелетнюю историю человечества этот режим являлся, собственно говоря, преобладающим режимом памяти, выстраивающим определенную архитектуру культурного и социального памятования. Человечество на протяжении сотен тысяч лет в меньшей степени не было, несмотря на многочисленные подчас эпохальные открытия и изобретения, проективно-ориентированным. Или, что более корректно, остальные режимы в той или иной степени включались в этот режим доминирования Прошлого. Человечество «шествовало вперед спиной назад», постоянно удерживая как наиболее значимое ценности Прошлого. Это, конечно, вполне оправдано: традирование и сохранение являлись для человечества жизненно-необходимыми, позволяя сохраняться ему как биологическому виду. Именно это фиксирует в своей работе «Миф машины. Техника и развитие человечества» Льюис Мэмфорд: «Традиция была гораздо ценнее изобретений. Удержать и закрепить самый маленький успех значило больше, нежели добиться новых с риском забыть или потерять старые» [2, С.135]. А потому то, что выделяли представители философской антропологии такие как Шелер или Плесснер, а именно проективность, эксцентричность человеческой экзистенции, конечно, имели место, но всегда вписывались в режимы постоянной обращенности в Прошлое. Подобная фиксация и обращенность на Прошлое и Памятование являлись доминирующим горизонтом экзистирования человека. Можно привести несколько примеров подобной ориентации и значимости горизонта Прошлого: от удерживаемых в различных культурах генеалогических линий (ибн...ибн...ибн...) до ритуальных практик и устных преданий в т.н. примитивных культурах. А что уж говорить о тех культурных, социальных, экономических, религиозных и пр. институтах, которые конституировались подобным сознанием как различного рода инстанции «специализирующихся» и функционировавших в режиме преференции традиции и традирования. В этом отношении та культурная инстанция, с которой мы начали свое рассуждение, а именно музей (Эрмитаж) по праву являлись проводником и топосом сбережения Прошлого, а потому выстраивали свое бытование именно как проводники режимов Памятования и традирования.

Второй режим – это то, что не совсем корректно (из-за аллюзии к функционированию индивидуального сознания, индивидуальной психики)

можно маркировать как проективное памятование, когда горизонт Прошлого не редуцируется вообще (а скорее даже нарочито сохраняется), но выстраивается при явной предпочтении Будущего. Подобный режим памятования связан с доминированием в горизонте сознания двух зон: зоны Будущего, проективности, а также зоны индивидуальности, которая в ситуации значимости проективности на это самое Будущее лишь усиливает эту самую проективность. При подобном режиме отдаленное Прошлое, конечно, сохраняется, но не подкрепляется ни алиби традиции, ни ресурсами субъекта, выстраивающего временные предпочтения в зоне проекта. Иными словами, при подобном режиме Будущее является более значимым и ценным, чем сбережение и традирование отдаленного Прошлого, Прошлого культурной традиции или социума. Как мы только что отмечали, функционирование первой модели памятования, а именно удержание и сохранение ценности Прошлого, вовсе не означает, что индивидуальный опыт, опыт в целом проективный и ориентированный на ближайшее прожитое Прошлое, не значим и не присутствует в реальной жизненной ситуации. Отнюдь нет: конкретный человек при всей значимости и ценности традируемых и сохраняемых в ритуале или религиозных предписаниях моделей Прошлого, все же выстраивал свою конкретную жизненную ситуацию с оглядкой на опыт ближайшего своего Прошлого и с горизонтом Будущего. Но все в ситуации доминирования режима Прошлого и памятования речь идет именно о доминировании, когда предпочтения отдаленного Прошлого корректируются проективностью экзистирования и значимостью личного опыта. Подобным образом доминирование зон Будущего и проекта, отнюдь не означает полное упразднение и ликвидацию памятования и Прошлого, а лишь то, что Прошлое подчинено о и эксплуатируется во имя Будущего: история при этой «асане» являет выстраивается как алиби или оправдание проекта и Будущего.

Ценность фигуры Будущего, «подчиняющего» Прошлое и выстраивание своего жизненного пространства, ориентированного на Будущее – это ситуация определенной культурной традиции, а именно Новоевропейской культуры. Не случайно именно представители новоевропейской ментальности фиксировали предпочтению горизонта Будущего, конечно, полагая, что подобная ориентация (проективность человеческой экзистенции и сознания) является сущностной характеристикой человечества вообще. Можно привести бесконечные примеры фиксации подобной установки от критики традиции и тотальной секуляризации (и значит отказа от фигуры авторитета, сочлененного с Прошлым) до современной установки естественно-научного знания, когда научной значимостью обладает не история опытов или открытий, а текущий момент. Подобное обстояние дел тематизировалось и фиксировалось в философском знании и можно бесконечно

приводить примеры подобной фиксации, которая прорисовалась в работах и концептах от Фр.Бэкона, Фридриха Ницше, Макса Шелера до Мартина Хайдеггера, Жан-Поль Сартра и Карла Маркса, но не анализ данной архитектуры памятования является сейчас нашим основным сюжетом. Все же для «солидности» приведем несколько пару цитат, которые показывают сущностное редуцирование горизонта Прошлого, которое свойственно новоевропейской ментальности.

Прежде всего, конечно, Рене Декарт, который в своих «Правилах для руководства ума», прямо заявляет о том, что знание получается непосредственно исследователем в опыте, а не при обращении к свидетельствам других (конечно, здесь скрытая полемика со схоластической установкой на авторитет, т.е. апелляция к фигурам Прошлого):

«ПРАВИЛО III»

Касательно обсуждаемых предметов следует отыскивать не то, что думают о них другие или что предполагаем мы. сами, но то, что мы можем ясно и очевидно усмотреть или достоверным образом вывести, ибо знание не приобретается иначе» [3, С.82].

Декарт в своем проекте методологического научного принуждения (а более широко – проекта сборки нового новоевропейского сознания) недвусмысленно призывает отбросить в научной деятельности схоластические модели познания и авторитет, которые свойственны при доминировании зоны Прошлого, ориентируясь на непосредственный опыт настоящего.

Еще более ранее мы можем обнаружить сходную позицию у Фр.Бэкона, который, делая реверансы (все же лорд-канцлер, положение обязывает) в сторону церковной традиции и истории, предлагает нам отбросить предыдущие заблуждения и использовать новый научный метод, а именно индукцию. «Помимо того людей удерживали – пишет Фр.Бэкон – от движения вперед и как бы околдовывали благоговение перед древностью, влияние людей, которые считались великими в философии, и обусловленные этим единогласие и согласие» [4, С.45]. Зона Прошлого — это не место величайших достижений и авторитета, но скорее пространство ошибок. Вот как он говорит о мудрости античности: «... та мудрость, которую мы почерпнули преимущественно у греков, представляется каким-то детством науки, обладая той отличительной чертой детей, что она склонна к болтовне, но бессильна и не созрела для того, чтобы рожать. Она плодovита в спорах, но бесплодна в делах...» [5, С.60]. Конечно, и в прошлом были величайшие открытия и изобретения, но систематической и целенаправленной практики обращения к опытным данным в прошедшей истории Бэкон Веруламский не обнаруживает: «До сих пор опыт (ибо к нему мы теперь всецело предлагаем обратиться или не имел основания или

имел весьма ненадежное. До сих пор не было отыскано и собрано изобилие частных, способное дать разуму знание, в какой бы то ни было мере достаточное по своему количеству, роду, достоверности» [4, С.58].

Сама же история, как то, что является доменом памяти и Прошлого, выступает (кроме, конечно, церковной истории, выделяемой Бэконом как отдельный род истории) подчиненной опытному постижению, ибо призвана поставлять опытные данные для эксперимента и заключений индукции, т.е. вписывает Прошлое и память в контекст настоящего и проекта.

Таким образом, мы вкратце определили второй режим функционирования социального и индивидуального памятования, когда горизонт Прошлого если и сохраняется, то как подчиненное более мощному горизонту проекта, т.е. горизонту Будущего.

2. *Амнезия и память ближайшего*

Современность, однако, вносит свои коррективы в режимы памятования. Иллюстрацией этому и послужила та довольно большая цитата из зоны Интернета, с которой мы начали эту статью. Как раз с дигитальными технологиями и включенность в любой наш жест, поступок, деятельность и т.п. (т.е. речь идет о изменении общей модели и стиля экзистирования, виртуальной медиальной среды) связана непосредственным образом дигитальная активность Эрмитажа. Речь идет не только о том, что музей как любой другой культурный институт с необходимостью включается в общий тренд использования для своих традиционных целей новую среду своего бытования. Как уже указывалось, все это, конечно, наличествует как императив и повод обращения к современным технологиям, так же как в подобном жесте присутствует простой экономический расчет в попытке «застолбить» свое место в новой техногенной реальности. Но значимо и показательно другое.

Эрмитаж, повинувшись и откликаясь на современные тенденции бытования в новой медиальной среде, вступает в совершенно иной режим памятования, который в корне противоречит тому режиму сохранения и сбережения, который в свое время запустил институализацию памятования в формате музейной институции. Новый режим памятования, который спонсируется новейшими технологиями виртуального мира, можно довольно условно маркировать как режим краткосрочного и, одновременно, лишеного времени бытования. Собственно говоря, подобный режим памятования является режимом медиальной среды Интернета. Это, конечно, не удивительно: все в современной реальности, что «пропускается» через дигитальное медиальное пространство Интернета, проходя процедуры перекодировки и трансформации, неизбежные для того, чтобы включиться в новую реальность виртуального мира, с необходимостью «заражается»

основными характеристиками и конститутивами этой среды. Иное, в принципе, и представить себе невозможно: сама оцифровка лишает аналоговый мир его сущностных характеристик, замещая их симуляционными режимами функционирования этой среды, в которой - и это самое главное в нашем случае – временение другое. «Доброго времени суток»: время в Интернете другое, оно, с одной стороны одномоментно, ибо существует только Настоящий момент, а с другой стороны оно «сильно напоминает» время Вечности эйдосов Платона, в котором нет изменения, но есть замещения одного файла-кластера-«эйдоса» другим, столь же «вечным» файлом-кластером-«эйдосом». Этот мир – мир дискретности, но не континуальности, в котором время дискретно-одномоментно. О нем невозможно говорить как о живой длительности (А.Бергсон), но о том времени, о котором тот же А.Бергсон упоминает как о мире, с которым имеет дело математик и который «умирает и возрождается в каждый момент» [6, С.36].

Подобный режим сбережения и памятования *в чем-то* аналогичен с тем режимом временения и, соответственно, памятования, который существовал в некоторых культурных анклавах и был зафиксирован в структуре и номенклатуре глагольных форм, т.е. тех форм, с помощью которых язык и сознание схватывает время и то, что относится к домену Прошлому и Памяти. Приведем свидетельство Э.Кассирера из его «Философии символических форм». В языке африканского племени нту есть только две глагольные формы: сегодня и не-сегодня [7, С.272]. Иными словами, для представителя племени нту существует и фиксируется только два временных момента – «сейчас» и «не сейчас». Согласно Э.Кассиреру это одна из примитивных моделей постижения времени. Стоит упомянуть, что подобная примитивная с точки зрения Э.Кассирера форма схватывания и проживания времени аналогична примитивной модели «оперирования» с пространством, когда оно, пространство, разделено на два сегмента – «здесь» и «не здесь». Таким образом, мир и человек примитивных культур проживает и помнит лишь близлежащее, причем Прошлое оказывается в чем-то тождественным Будущему, поскольку оно также постигается и проживается по «регистру» «не-сейчас».

В чем-то: указанное временение племени нту (и, конечно, не только этого племени, ибо т.н. примитивное временение лингвисты фиксируют в различных языках по всему земному шару) лишь в чем-то аналогично тому временению и памятованию, которое ныне «торпедуется» из зоны Интернета. **В чем-то**, ибо существуют и кардинальные различия, которые не позволяют говорить, что в современной технологически развитой ситуации инфигирования жизни человека дигитально-виртуальными императивами происходит возврат к довольно примитивным способам временения. Хотя,

конечно, некоторое упрощение прихотливости новоевропейской модели временения налицо: замена достаточно «цветастой и прихотливой» сетки времен (в некоторых европейских языках их насчитывается почти два десятка) на вневременность и кратковременность виртуального мира без сомнения приводит к упрощению проживаемого времени и действительности. Виртуальный мир Интернета, который уже является неотъемлемой частью нашей реальности трансформирует и перекодирует мир по модели своего языка, в котором, как известно, существуют только два слова двоичного кода – 0 и 1, «есть сигнал» и «нет сигнала».

Ситуация другая и, конечно, довольно запутанная, как все то, что касается «режимов» и «моделей» работы сознания в отношении временения. Попытаемся обрисовать ее хотя бы в общих чертах архитектуру современного памятования, которое можно уже с полным правом именовать как Пост-память. Первое, что необходимо отметить, — это уже указанное обстоятельство: сознание и способ временения современного человека все больше и больше инфицируются теми конститутивами и моделями, которые генетически восходят к виртуальному дигитальному пространству Интернета. Дело, действительно, серьезное: почти любой шаг, жест, коммуникация и т.п. в современности (а ситуация пандемии это только торпедировала) пропускаются через каналы медиального виртуальной реальности. Например, чтобы я смог купить (даже в реальном магазине) продукты, я использую дебетовую карту, на которую зачисляют мою зарплату. На кассе кассир использует кассовый аппарат, который связан с общей сетью данного торгового центра, где конкретный товар имеет свой «аналог» и т.д. и т.п. Современный человек все больше и больше оказывается в довольно жестком плену медиального пространства дигитального мира, по сравнению с которым «всевидящее око Старшего Брата (Оруэл), покажется детской забавой. Именно поэтому современный человек с необходимостью инфицируется моделями и самой логикой выстраивания этого нового мира. Соответственно, современный человек уже отчасти является и физически и, главное, социально и ментально киборгом или постчеловеком: «Постчеловек – как отмечают Карло Ратти и Мэтью Клодел, – это создание, рожденное в условиях такой бинарности, в мире цифрового и материального, слитых воедино, где ментальное и социальное существование каждого индивидуума осуществляется, поддерживается и совершенствуется с помощью технологий» [8, с.102]. Надо ли особо доказывать, что подобное живое существо (речь идет уже не только о молодом поколении, с колыбели привыкших к современным гаджетам, но уже о представителях почти всех поколений ныне живущего человечества) испытывает сильное воздействие моделей временения, согласно которых выстраивается виртуальное пространство? Вопрос, конечно, риторический: мы все всё больше и больше

меняем свое временения, поскольку постоянно имеем дело с новой реальностью, в которой время кардинально отлично от живого времени нашей реальности. Виртуальная реальность существует фактически вне времени и вне изменения. Цикличность суток, времен года, различия в отношении к различным временным периодам, которая схватывается языками «доинформационной эры» в довольно прихотливой системе времен, уже не имеет существенное значение для этого пространства. В самом деле, может ли быть различие между совершенным и несовершенным временем в этом новом виртуальном мире: в нем либо есть (совершенное), либо нет, третьего не дано. Время интернета – это время вечного настоящего. Это с одной стороны.

С другой стороны, время виртуального пространства – это время «монадное», сингулярное, точечное. Вечное настоящее – это серия исчезающих в мгновение настоящих временных «топосов», которые не удерживаются, но замещаются другим столько исчезающими мгновенно «топосами». В этом временном сингулярно-континуальном пространстве нет, фактически, памяти, ибо нет перехода, но, одновременно, все есть память, ибо все сохраняется и записывается, чтобы если была необходимость, быть воскрешенным заново в своем сингулярно-мгновенном виде. В этом отношении Прошлое тождественно Настоящему в своей мгновенности.

Таково, собственно говоря, то временение, которое постоянно инфицируется в современного человека. Однако существует и противоположный вектор, вектор «очеловечения» этой техногенной сферы нашей реальности, а потому, наверное, мы бы не взяли на себя смелость утверждать, что, в конечном счете, все придет к роботизации самого человека, замещения искусственным интеллектом самого сознания человека, который начинает проживать мир в новой точечно-мгновенно-вечном времени. Человек со-бытийствует с зоной Интернета, а потому и «оживляет» в той или иной степени это пространство.

В результате мы имеем довольно прихотливую картину современно-го временения и удержания Прошлого. С одной стороны, сознание и его модели и стили временения довольно консервативны и в нем продолжают сохраняться те режимы, которые существовали еще до того, как виртуально-дигитальный мир начал свое внедрение в нашу повседневную жизнь. Этому способствуют те практики традирования и культурной дрессуры (школа, институт, работа, наконец, первоначальный, самый значимый этап инфицирования культурных паттерном в раннем детстве), которые все еще продолжают существовать в почти неизменном виде в информационную и пост-информационную эпоху. Культурное пространство современности продолжает во многом выстраиваться по прежним канонам и согласно

прежним ценностным ориентирам, а потому ежедневная культурная дроссура, требующая определенных асан, восприятия и конституирования реальности, внедряет в нас прежние модели, формы, символы и т.п.

С другой стороны, та же повседневность, которая инфицирована медийным пространством дигитально-виртуального мира, постепенно встраивает в нас императивы этого нового информационного пространства. Соответственно, человеку все менее и менее необходимы длительные режимы памятования: все записано и определено в Интернет-мире в дискретном и мгновенно-настоящем времени, которое фактически тождественно Прошлому. В этой ситуации Удержание Прошлого как на уровне повседневности, так и в профессиональных сегментах нашей жизни, не ориентировано на длительность сохранения: нацеленность на постоянное обновление и развитие девальвируют саму фигуру Прошлого. Зачем, в самом деле, удерживать прежние профессиональные навыки, если через несколько лет (а скорее всего, месяцев) будет новое программное обеспечение, новые гаджеты, новые модели и навыки? Ритм современной жизни и его логика – это не просто постоянное ускорение (что, в принципе свойственно уже индустриальной эпохе), но перманентное изменение самой логики движения. В этой ситуации опыт прошлого может играть роль «якоря», а никак не того, что обеспечивает соответствие с логикой ситуации и развития. Прошлое как таковое девальвируется, а вместе с ней режимы «длительного» памятования.

Конечно, это вовсе не означает, что все так однозначно и вектор изменения режимов того, что можно маркировать как пост-память с ее амнезией Прошлого не изменятся. Как мы только что указывали, существует и «обратное» воздействие на зону дигитального мира, которое включает в него режимы прежнего временения и предпочтения Прошлого. Да и само культурное пространство обладает целым набором императивов и сегментов, где дигитализация в принципе невозможна. Но, как всегда, здесь единственный критерий – время, которое расставит все на свои места... Задача же, которая ставилась в данном тексте – обозначить те тенденции, которые мы можем зафиксировать в современной культуре и сознании относительно новых моделей временения и памятования.

***

А что Эрмитаж? - «Эрмитаж заработал почти 450 тысяч долларов на продаже картин да Винчи и Ван Гога в виде NFT. Музей получил деньги через посредников, ведь в России сделки с криптовалютой запрещены» [9] И слава Богу! Эти тысячи долларов понадобятся Эрмитажу в его благородной миссии сохранения и сбережения Памяти, ибо по нынешним (да так было, впрочем, всегда) Память – это дорогое удовольствие...

ЛИТЕРАТУРА

1. <https://www.binance.com/ru/blog/421499824684902645/nft/государственный-эрмитаж-объявляет-о-старте-продаж-nft-токенов-на-маркетплейсе-binance-nft> (время обращения 10.09.2021).
2. Мэмфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М.: Логос, 2001.
3. Декарт Р. Правила для руководства ума /Декарт Р. Сочинения в 2 т.-Т. 1. М.: Мысль, 1989.
4. Бэкон Фр. Афоризмы об истолковании природы и царстве человека / Бэкон Фр. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1978.
5. Бэкон Фр. Великое восстановление наук / Бэкон Фр. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1977.
6. Бергсон А. Творческая эволюция / Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Мн.: Харвест. 1999.
7. Кассирер Э. Философия символических форм. Т.1. Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2002.
8. Ратти К., Клодел М. Город завтрашнего дня: сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни / пер. с англ. Е. Бондал. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017
9. <https://meduza.io/feature/2021/11/19/ermitazh-zarabotal-pochti-450-tysyach-dollarov-na-prodazhe-kartin-da-vinchi-i-van-goga-v-vide-nft-muzey-poluchil-dengi-cherez-posrednikov-ved-v-rossii-sdelki-s-kriptoalyutoy-zapresheny#:~:text=Эрмитаж%20заработал%20почти%20450%20тысяч,запрещены.%2013%3A51%2C%2019%20ноября%202021> (Время обращения 20.11.2021)

REFERENCES

1. <https://www.binance.com/ru/blog/421499824684902645/nft/gosudarstvennyj-ermitazh-ob'yavlyayet-o-starte-prodazh-nft-tokenov-na-marketplejse-binance-nft> (vremya obrashcheniya 10.09.2021).
2. Mamford L. Mif mashiny. Tekhnika i razvitie chelovechestva. M.: Logos, 2001.
3. Dekart R. Pravila dlya rukovodstva uma /Dekart R. Sochineniya v 2 t.-T. 1. M.: Mysl', 1989.
4. Bekon Fr. Aforizmy ob istolkovanii prirody i carstve cheloveka / Bekon Fr. Sochineniya v dvuh tomah. T. 2. M.: Mysl', 1978.
5. Bekon Fr. Velikoe vosstanovlenie nauk / Bekon Fr. Sochineniya v dvuh tomah. T. 1. M.: Mysl', 1977.
6. Bergson A. Tvorcheskaya evolyuciya / Bergson A. Tvorcheskaya evolyuciya. Materiya i pamyat'. Mn.: Harvest. 1999.
7. Kassirer E. Filosofiya simvolicheskikh form. T.I. YAzyk. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2002.
8. Ratti K., Klodel M. Gorod zavtrashnego dnaya: sensory, seti, hakery i budushchee gorodskoj zhizni / per. s angl. E. Bondal. M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2017
9. <https://meduza.io/feature/2021/11/19/ermitazh-zarabotal-pochti-450-tysyach-dollarov-na-prodazhe-kartin-da-vinchi-i-van-goga-v-vide-nft-muzey-poluchil-dengi-cherez-posrednikov-ved-v-rossii-sdelki-s-kriptoalyutoy-zapresheny#:~:text=Ermitazh%20zarabotal%20pochti%20450%20tysyach,zapreshcheny.%2013%3A51%2C%2019%20noyabrya%202021> (Vremya obrashcheniya 20.11.2021)